

как в послереволюционную эпоху, в связи с началом систематического изучения Украины в археологическом отношении исследование палеолитического периода обратилось в большую отрасль науки, которая произвела, в особенности в 30-е гг., в связи с грандиозными реконструкционными работами в промышленности, многочисленные и весьма важные открытия, обобщение которых является в значительной степени еще делом будущего.

Т. І «Археологии», отражая состояние исследовательской работы на Украине в области древней истории, свидетельствует об ее широком размахе и высоком теоретическом уровне. Несмотря на причиненные войной потери, украинские археологи восстановили музейные и исследовательские учреждения, систематически продолжая работу по изучению прошлого своей родины. Сборник в некоторой части отражает также состояние археологической работы и на Западной Украине, где в послевоенные годы отмечается значительное оживление исследовательской деятельности. Обо всем этом позволяет судить, помимо перечисленных публикаций, также раздел хроники, сообщающей о жизни и работе исследовательских и музейных учреждений Украины, предпринимаемых ими экспедициях, мероприятиях по охране памятников древности и т. п. Здесь статьи: Д з б а п о в с ь к о г о (об Институте археологии АН УРСР в 1944 г., стр. 183), М. С м и ш к о (о работе Института арх. АН УРСР за тот же 1944 г.), небольшая заметка С. О д и н ц о в а («Археол. памятники Изюмщины»), Б. Г р а к о в а («О Никопольской экспедиции»), Л. С л а в и н а («Стан Ольвііського заповідника Академії наук УРСР»), Е. М а х н о («Вивчення культури полів поховань»), Д. Б л і ф е л ь д («Сучасний стан археологічних і архітектурних пам'яток Чернігове»), а также сведения об археологических находках: М. М а к а р е в и ч («Випадкові знахідки в с. Раковичах Радомиського району Житомирської області»), Ф. К о п и л о в («Ще одна знахідка фарби Трипільського ганчарів»).

Сборник представляет нам украинскую археологическую науку на новом подъеме и позволяет надеяться на еще более высокие успехи, которые, несомненно, не заставят себя ждать в будущем.

Н. Трубникова

ПАМЯТНИКИ ИСКУССТВА. Бюллетень Государственного музея изобразительных искусств им. А. Пушкина, 1947 г., вып. 2, стр. 42, иллюстрации в тексте и одна таблица.

Сборник «Памятники искусства» посвящен публикации материалов, добытых в результате экспедиционно-археологических работ, проводимых Музеем за последние годы на юге СССР совместно с ИИМК АН СССР. Объединенные экспедиции, преследуя общую цель изучения греческих и варварских памятников Северного Причерноморья, взяли на себя ряд задач, связанных с планомерным изучением отдельных объектов, какими являются греческие и скифские города и поселения. В результате этих работ за несколько лет накопился материал, исследование которого выразилось в ряде статей, составляющих содержание настоящего сборника.

Авторы статей являются руководителями или непосредственными участниками экспедиций. Сборник состоит из статей: И. Б. Зеест «Раскопки ГМИИ до Великой Отечественной войны», В. Д. Блаватский «Пантикапейские раскопки 1945—46 гг.», М. М. Кобылина «Памятники искусства Боспора из раскопок ГМИИ», П. Н. Шульц «Работы Тавро-Скифской экспедиции 1941—46 гг.», Н. Н. Погребова «Находки в мавзолее Неаполя скифского», И. Д. Марченко «О художественной обработке металла на Боспоре», Н. М. Лосева «Новая керамическая находка на Митридате».

Статья И. Б. Зеест «Раскопки ГМИИ до Великой Отечественной войны» (стр. 3—9) посвящена сводке работ ГМИИ в различных пунктах Крыма и Кубани, начиная

с 1931—32 гг. Первые самостоятельные раскопки Музея под руководством В. Д. Блаватского проводились в Хараксе—римской крепости, расположенной на Ай-Тодорском мысу. Начав с разведок (1931—32 гг.), Музей совместно с ИИМК и Государственным историческим музеем провел здесь большую экспедицию в 1935 г., в результате которой были обнаружены развалины римских терм, жилые комплексы крепостного гарнизона, большое водохранилище—нимфей, два ряда оборонительных стен и некрополь. В 1933—34 гг. Музей принимал участие в комплексной экспедиции ГАИМК и Керченского музея по раскопкам в Керчи и Камыш-Буруне, где силами ГМИИ был вскрыт участок некрополя римского времени с характерными типами погребений и инвентарем (см. «Материалы по археологии СССР», вып. 4).

В 1937 г. Музей присоединился к раскопкам Государственного исторического музея в Фанагории, а с 1938 по 1940 г. включительно работы проводились там ГМИИ самостоятельно и были прерваны начавшейся войной.

Раскопки в Фанагории установили точное местонахождение города, его основные границы и последовательность культурных напластований от середины VI в. до н. э. до XIII в., н. э.¹

Заслуживает внимания обнаруженное в архаическом слое хозяйственное помещение с погребом, в котором находились десять стоящих в ряд остродонных хиосских амфор, сохранивших на дне черные смолистые сгустки осадков вина. Очень интересен материал, характеризующий местную художественную керамическую промышленность, к которому относятся терракоты и образцы местных сосудов, а также обломки расписной художественной керамики и терракоты, на основании которых автором отмечена связь Фанагории с Атикой и малоазийскими центрами.

Удачным опытом архитектурной реконструкции является монтаж черепицы обнаруженного раскопками завала крыши. Большое значение для выяснения характера города в римское время имеет открытый раскопками музея загородный некрополь первых веков нашей эры.

Следует указать на один пункт неправильного комментирования автором результата работ на фанагорийском некрополе: на стр. 9 мы читаем: «Погребения римского времени свидетельствуют о большой степени варваризации местного населения: не единичны костяки с деформированными черепами, что было в обычае местного населения». Такая интерпретация факта нахождения деформированных черепов неверна. Деформированные черепа, появившиеся в погребениях первых веков нашей эры на Кубани, характеризуют не местное, а пришлое население, возможно, одно из сарматских племен, пришедших на Кубань с Поволжья.

Очень интересны бытовые и архитектурные остатки первых веков нашей эры в Фанагории, хорошо прослеженные и зафиксированные раскопками.

Гораздо хуже обстоит дело со средневековыми слоями. Здесь, по условиям почвы и материала, архитектурные периоды и планировка не могут быть прослежены с такой же ясностью. Этот слой заслуживает специального изучения. Материал его содержит следы (не отмеченные автором) пребывания русских на Тамани еще до X в. Говоря о том, что в XIII в. это поселение входило в состав Тмутараканского княжества, необходимо указать, что в предшествующую эпоху Фанагория была столицей Хазарского каганата и что хорошо известен материал, связанный с хазарами.

Статья В. Д. Блаватского (стр. 10—19) раскрывает задачи Керченской экспедиции, проводимой ИИМК АН СССР совместно с ГМИИ им. А. С. Пушкина и итог двухлетних работ, в результате которого освещаются многие стороны экономической и политической истории Пантикапея.

Задачами экспедиции являлись планомерные исследования Пантикапея—столицы Боспорского царства, одного из древнейших и значительных государственных

¹ См. В. Д. Блаватский, Раскопки в Фанагории в 1938—39 гг., ВДИ, 1940 г., № 3—4, стр. 287 сл.; его же, Раскопки в Фанагории в 1940 г., ВДИ, 1941, № 1, стр. 220 сл. и др.

образований на юге СССР. Надлежало выяснить время возникновения поселения, его первоначальные границы и последующие их изменения (с ростом или захирением города), историю и характер его отдельных частей (акрополя, жилых кварталов, хозяйственных районов, портовой части).

Следует отметить убедительно доказанное мнение автора о связи тех или других изменений городской топографии с историческими событиями (стр. 12). Под этим углом зрения вполне вероятно, что большие строительные работы на акрополе древнего Пантикапея производились в период, следовавший за бурными событиями конца II в. до н. э., когда восставшие скифские рабы с Савмаком во главе свергли боспорского царя Перисада и захватили в свои руки европейский Боспор.

Автором также убедительно связываются архитектурные периоды с особенностями после-Митридатовской эпохи и до конца античности.

Статья М. М. Кобылиной (стр. 16—20) касается ряда памятников античного искусства на Боспоре: фрагменты боспорской архитектуры, расписной штукатурки, составлявшей внутреннюю отделку зданий, и произведений художественного ремесла.

Очень интересно в архитектурно-декоративном отношении обнаруженное в Фанагории здание эллинистической эпохи, представляющее собой часть перистиля дома. Здесь отчетливо прослежена художественная роспись по штукатурке, правильно считающаяся автором вариантом до-помпейского стиля. Интересны также остатки здания, находящегося за городской чертой Фанагории, в котором В. Д. Блаватский усматривает героон малоазийского типа.

Нужно отметить, что заслуживают специального исследования перечисленные лишь вкратце типы керамики и терракот, как привозных так и местного производства. Больше внимания следовало бы уделить анапской статуе, изображающей правителя Горгиппии. Статуя принадлежит к числу уникальных памятников, дающих представление как о местном пластическом искусстве, так и о типе изображенного правителя. Характерные черты этого искусства поняты и отмечены автором, но что касается выразительности портретной характеристики, то необходимо было бы уточнить этнический тип изображенного: скифский облик его не оставляет сомнений ни в типе лица, ни в шейном украшении—гривне, оканчивающейся звериными головами. Кстати, золотых гривен, подобных изображенной, найдено на нашем юге много, но лишь на примере анапской статуи можно иметь наглядное представление о способе их ношения.

Статья П. Н. Шульца показывает результаты работы Тавро-Скифской экспедиции 1945—46 гг. Советская наука подняла на должную высоту вопросы изучения этногенеза славян. В настоящее время можно считать твердо установленным, что племена скифов, сарматов и тавров играли большую роль в сложении племен славянских, в частности, именно русских.

Работы Тавро-Скифской экспедиции ИИМК и ГМИИ под руководством П. Н. Шульца, подтверждают это новыми открытиями. Систематические работы, проводимые П. Н. Шульцем в районе Неаполя скифского и его окрестностях, ставят своей целью возможно полное изучение вопроса истории крымских скифов, для чего необходимо прежде всего исследование ранних памятников культуры скифов и тавров, характера культуры и искусства поздних скифов и их взаимосвязи с греками и римлянами, с одной стороны, с таврами, сарматами, аланами—с другой. Работы последних лет доказали несостоятельность общепринятой периодизации скифской культуры в рамках VII—I вв. до н. э. и позволили раздвинуть эти рамки до IV в. н. э., установив определенную историческую периодизацию внутри этих сроков.

Следует отметить вполне оправдавший себя метод проведения экспедиции, сочетающий в своей работе раскопки с археологическим разведками и рекогносцировками.

Раскопки на территории самого Неаполя скифского обнаружили архитектурные остатки 4-х строительных периодов, относящихся к началу раннеэллинистического времени и до IV в. н. э. Среди них особенно интересно большое каменное здание III в. до н. э. с подвалом и примыкающим к нему комплексом хозяйственных сооружений.

Для находок в слоях городища типично большое количество местных скифских изделий (обломки лепных, простых и лощеных сосудов, пряслица, точильные камни, оселки, лошина и пр.) и наряду с ними значительное число фрагментов и импортной греческой керамики.

Раскопками установлено, что оборонительная стена Неаполя скифского была сооружена в III в. до н. э. и была толщиной от 3,5 до 8, 4 м.

Очень интересен открытый раскопками мавзолей, примыкающий к наружной стене городской стены, вблизи городских ворот. Однако предположение автора, что на тип пристенного мавзолея Неаполя оказал известное влияние Херсонес, где в 1899 г.¹ открыты также примыкающие к городской стене склепы,—не может быть оправданным, так как сам же автор относит этот мавзолей еще к эллинистическому времени. а херсонесский склеп датируется II—III вв. н. э.².

Одним из наиболее крупных достижений экспедиции является открытие ряда склепов со стенной живописью, относящейся к первым векам н. э. и представляющей пример местного скифского искусства. Из 28 склепов, открытых экспедицией, пять имеют стенную живопись.

Подводя итог анализу декоративного оформления и архитектуры склепов, автор прав в том, что «склепы Неаполя скифского отражают вторичный расцвет скифской державы в Крыму в первые века н. э. Они проливают свет на процесс формирования новой скифской фамильной знати. Росписи склепов развертывают перед нами процесс развития живописи поздних скифов от реалистических (склеп № 9) и декоративно-ковровых (склеп № 1) композиций I века н. э., в которых сказываются эллинистические влияния, к усилению самобытных начал во II в. (склеп № 2 и 4), а затем, к схематизации и упрощению, отражающим процесс упадка и сармато-аланских воздействий в культуре Неаполя скифского в позднеримское время (склеп № 8)».

Убедительно мнение автора о родственном сходстве некоторых мотивов декоративной росписи склепов с мотивами украинской вышивки и о том, что оформление стенной ниши в одном из склепов, воспроизводящей модель скифского жилища—«вызывает в памяти облик русской избы с деревянным коньком на крыше». Вполне уместно также приводимое автором сопоставление художником Репиным типа портретных скифских изображений с типом русско-славянским.

Интересны и актуальны поставленные перед отдельными отрядами задачи, особенно исследование периферии скифских городищ, почти не затронутых античным влиянием.

На основании результатов работ экспедиции представляется вполне правильным заключение автора, что «в свете новых археологических открытий становится ясным то, что наследие скифской культуры является одним из источников и составным элементом в культуре древней Руси».

Статья Н. Н. Погребовой (стр. 31—36) посвящена «Находкам в мавзолее Неаполя скифского». Открытый раскопками Тавро-Скифской экспедиции мавзолей является уникальным памятником из всего круга памятников, относящихся к скифской культуре.

Существование мавзолея в течение длительного периода (с II в. до н. э. по III в. н. э.) как места погребения позволяет предположить сравнительно спокойный период истории Неаполя скифского, так как иначе вряд ли возможно, чтобы стоящий с наружной стороны крепостной стены мавзолей, не представляющий конструкцией своих стен достаточно укрепленного сооружения, не подвергся разрушению и разграблению со стороны нападающих. Многое в архитектуре мавзолея еще не ясно и ждет дальнейших исследований. Что касается находок при 72-х костяках мавзолея, то, по справедливому заключению автора, они характеризуют, прежде всего, эллинизи-

¹ ИАК, вып. 1 (1901), рис. 19, стр. 7.

² Г. Д. Белов, Римские приставные склепы, «Херсонесский сборник», 1927, 2, Симферополь, стр. 107 сл.

рованную верхушку скифской знати, связанную экономическими и культурными отношениями со многими греческими городами Северного Причерноморья и подвергшуюся некоторым сарматским влияниям.

Автор правильно отметил возможную генетическую связь между каменным ящиком мавзолея, заключавшим богатое погребение воина, может быть, царя, и таврскими каменными ящиками Горного Крыма. Однако следовало бы показать на основании не только данных мавзолея, но и всех раскопок самого городища, как новых, так и старых, что погребения мавзолея являются выражением определенных периодов культурно-экономической связи Неаполя с греческим и местным окружением. Так, в период эллинизма Неаполь, повидимому, тесно связан с Боспором; изделия боспорской торевтики, обильно представленные мавзолеем, а также общая историческая ситуация это вполне подтверждают; в период после Диофантовых войн и на протяжении первых веков нашей эры намечается живая связь Неаполя с Херсонесом, также подтвержденная и исторически, и археологически. Именно для этого последнего периода характерно появление нового сарматского элемента.

В целом, основные выводы автора вполне им доказаны. Следует пожелать, чтобы в последующих публикациях автор приводил в первую очередь русскую литературу о найденных на нашем юге памятниках. На стр. 34, говоря о золотых Боспорских и Ольвийских масках, автор ссылается лишь на Minns'a, Ebert'a, не упомянув русские работы Ашика, Толстого и Кондакова, Ростовцева, альбом ДБК и др., что является совершенно недопустимым.

Материалы Боспорской экспедиции ГМИИ и ИИМК в 1945—46 гг., исследованные И. Д. Марченко, пополняют наши сведения о развитии искусстве торевтики Боспора и о боспорской металлургии вообще. Найденный экспедицией серебряный рельеф эрота или горгоны, представляющий собой часть украшения металлического сосуда, носит на себе очевидные следы местного влияния как по идейному изображению, так и по технике, что верно определено автором. Сделанное им предположение, «что в условиях позднеэллинистического Пантикапея с его широкими внешними влияниями и древней местной традицией мог возникнуть какой-то синкретический женский образ, ... в основе которого лежит образ горгоны», представляется вполне законным, так как примеров синкретических божеств с самыми разнообразными атрибутами на Боспоре известно много.

Говоря о золотых бусах, найденных в Керчи, автору следовало бы указать на многочисленные аналогии, известные по всей периферии Боспорского царства и происходящие скорее всего из пантикапейских мастерских.

Очень интересны факты, свидетельствующие о металлургическом производстве Пантикапея, обнаруженные экспедицией, но участок, где были вскрыты следы этого производства, еще не доследован, и говорить о нем можно лишь предположительно.

Статья Н. М. Лосевой «Новая керамическая находка на Митридате» посвящена историко-художественному анализу фрагментированной краснолаковой расписной амфоры, найденной на Митридате при работах Боспорской экспедиции. В результате произведенного исследования автору удалось убедительно доказать дату фрагмента и принадлежность его к группе малоазийской керамики II в. до н. э.

В целом сборник является ценной книгой по истории Северного Причерноморья. Оформление его вполне удовлетворительно (за исключением двух случаев небрежного расположения фотографий: рис. 7 стр. 14 и рис. 4 стр. 36).

Н. В. Пятшыева